

Відповідно до теорії КД, якщо індивід не бажає або з певних причин не може отримати, сприйняти інформацію, яка б додала когнітивні елементи до його системи знань і нейтралізувала спровокований незбіг, то за таких обставин шляхом усунення КД є ігнорування фактів, які є дисонуючими до позиції, точки зору, знань індивіда [4, с. 38].

У дослідженнях конфлікту та комунікативних порушень **тактика ігнорування** розглядається як комунікативна і полягає у відсутності реакції, не-відповідь на репліку партнера мовної взаємодії, що проявляється у продовженні власної теми комунікації або зміні її учасником мовної взаємодії, а також мовчання [2, с. 149]. Однак ігнорування є не тільки комунікативною тактикою, проте також і психологічною, розумовою, і саме розмежування цих двох аспектів є важливим у дослідженні КД. Це пов'язане з тим, що комунікативне ігнорування пов'язане з правилами ввічливої комунікації і покликане усунути або попередити конфлікт, певне комунікативне порушення, яке може виникнути в процесі мовної взаємодії [там само, с. 148–149]. На протигагу цьому, у розумовому ігноруванні, адресат не сприймає, відкидає отриману інформацію, нові факти не впливають на зміну його когнітивної системи знань, проте саме комунікативна реакція на таку інформацію може бути наявна.

Розглянемо фрагмент із роману Д. Манотті, DOA «L'honorable société»:

«Un sacré connard, ton Erwan.»

La réponse ne se fait pas attendre. «Tu penses ce que tu veux, je t'en fous, mais garde-le pour toi». (Manotti, HS, 309).

Один із персонажів твору використовує у своїй репліці інвективну лексику *connard* n. m. (imbécile, crétin [8]) стосовно друга героїні твору. Така інформації не збігається між власними уявленнями героїні про товариша та його образливою характеристикою, що як наслідок повинно спровокувати КД. Однак дівчина обирає шлях ігнорування отриманої інформації, яка суперечить її власним думкам, що отримує відображення у її репліці-відповіді. Відтак вона використовує дієслово *se foutre* v. pronom. (ne faire aucun cas de quelqu'un ou de quelque chose) у лексичній одиниці *je t'en fous*, що вказує на її байдужість стосовно позиції, думок її партнера по комунікації. Також героїня використовує дієслово *garder* v. trans. (ne pas révéler quelque chose, être discret sur tel point [8]) в наказі – *garde-le pour toi*, з метою спонукати партнера по комунікації тримати свою думку при собі. Отримавши точку зору, яка є дисонуючою з її, героїня ігнорує, не сприймає цю інформацію, тобто не дозволяє тому, щоб новий факт, який не збігається з її позицією, був доданий до її когнітивної системи знань, провокуючи відповідні незбіги. Незважаючи на те, що комунікативно героїня реагує на репліку свого партнера мовної взаємодії, однак психологічно вона нехтує інформацією, наданою у ній, що вербалізується у відповідних мовних засобах, в яких дівчина відверто повідомляє про це.

Висновки. Незважаючи на той факт, що сутність феномена КД полягає у раціональній несумісності когнітивних елементів у системі знань, однак тісний зв'язок між розумовою та емоційною сферами діяльності особистості, підтверджує наявність емоційно-психологічних тактик в усуненні КД. Їх зміст полягає в угадуванні емоційного збудження героя (у тактиці заспокоєння); впорядкування думок персонажа завдяки влучній репліці його партнера з мовної взаємодії (у тактиці активізації розумових здібностей), а також несприйняття, нехтування інформації, яка провокує КД (у тактиці ігнорування). Перші дві вищезазначені тактики є комунікативними, оскільки емоційно-психологічний вплив здійснюється з залученням партнера мовної взаємодії, в той час як тактика ігнорування є індивідуально-психологічною, і реалізується власними зусиллями самого героя, що переживає КД. У подальших дослідженнях планується проаналізувати нейтралізацію КД з використанням засобів невербальної комунікації, а також у внутрішньому мовленні персонажів.

Література:

1. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное / Шарль Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
2. Герасименко О. В. Дискурсивні стратегії і тактики подолання комунікативних порушень (на матеріалі французьких літературних текстів постмодерну): дис. ... канд. філ. наук : спец. 10.02.05 / Герасименко Олена Володимирівна – К., 2008. – 209 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций : пер. с англ. / Кэррол Э. Изард. – СПб.: Питер, 1999. – 464 с.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса : пер. с англ. / Леон Фестингер. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
5. Brunel O. Et si c'était de la dissonance cognitive? [Електронний ресурс] / Olivier Brunel, Céline Gallen. – 2010. – 23 p. – Режим доступу : <https://halshs.archives-ouvertes.fr/hal-00547775/document> – Дата доступу : 19.02.2017
6. Cooper J. Cognitive Dissonance : 50 Years of a Classic Theory / Joel Cooper. – SAGE Publications, 2007. – 197 p.
7. Морган Н. Сигналы влияния. Как убеждать и контролировать людей / Ник Морган. – СПб.: Питер, 2015. – 256 с.
8. <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>

Джерела ілюстративного матеріалу:

9. AJ : Schwartzbrod A. Adieu Jérusalem / Alexandra Schwartzbrod. – P.: Stock, 2010. – 407 p.
10. CC : DOA Citoyens clandestins / DOA. – P.: Gallinard, 2007. – 737 с.
11. HS : Manotti D. L'honorable société / Dominique Manotti, DOA. – P.: Gallimard, 2011. – 384 p.

УДК 811.161.1'373.45–112

Н. М. Кувшинова,

Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова, г. Київ

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ. АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ-РЕЦИПИЕНТЕ

В русском языке XVII–XVIII вв. значительную часть иноязычных слов составляли немецкие лексические заимствования. При классифицировании заимствованной лексики должны учитываться как формальные признаки (ассимиляция слов в заимствующем языке), так и функциональные (употребление слов в заимствующем языке). Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: лексические заимствования, морфемный состав, язык-источник, язык-реципиент.

ПРИНЦИПИ КЛАСИФІКАЦІЇ ІНШОМОВНОЇ ЛЕКСИКИ. АСИМІЛЯЦІЯ ЗАПОЗИЧЕНЬ У МОВІ-РЕЦИПІЄНТІ

В російській мові XVII–XVIII століть значну частину іношомовних слів склали німецькі лексичні запозичення. При класифікуванні запозиченої лексики повинні враховуватися як формальні ознаки (асиміляція слів у мові, що їх запо-

зичує), так і функціональні (вживання слів у мові, що їх запозичує). Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, і результатах власних спостережень автора.

Ключові слова: лексичні запозичення, морфемний склад, мова-джерело, мова-реципієнт.

PRINCIPLES OF CLASSIFICATION OF FOREIGN VOCABULARY. ASSIMILATION BORROWINGS IN THE LANGUAGE-RECIPIENT

In Russian language of the XVII-XVIII centuries, the significant part of foreign words were German lexical borrowings. According to the degree of development of the language loanwords recipient traditionally distinguish two main groups of words – assimilated and unassimilated. One of the main bits of foreign words, allocated according to the degree of assimilation, are actually borrowing assimilated words about the skill that scientists have no disagreements. The only problem in this sense is to hold the line between borrowing and internationalism. Internationalism represented, first of all, in the terminological lexicon. By the terms-internationalism: a) socio-political lexicon: politics, revolution, republic; b) scientific terminology: geography, history, linguistics, mathematics; c) the technical name: antenna, tank, tractor; g) art criticism lexicon: ballet, drama, novel, opera.

When classifying loanwords must be considered the formal features (assimilation of words in the borrowing language) and functionality (use of words in the borrowing language). The research is based on actual data obtained by different linguists, and on the results of the author's own observations.

Key words: Lexical borrowing, morpheme composition, language-source, language-recipient, internationalism.

Иноязычная лексика является объектом исследования лексикологии, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, переводоведения. В современной лингвистике заимствованные слова считаются одним из важнейших источников пополнения лексического состава любого языка. В связи с этим в языкознании разрабатываются и используются различные классификации иноязычной лексики, в частности по источникам заимствования (этимологии заимствованного слова). Так, некоторые немецкие лингвисты (Р. Гиндерлинг и др.) пришли к выводу, что лексикон немецкого языка включает слова из четырнадцати языков. По мнению Р. Гиндерлинга, контакты немецкого самые обширные (после русского) из европейских языков. В русском языке зафиксированы заимствования из довольно значительного количества иностранных языков (Л. П. Крысин, М. И. Фомин, Н. М. Шанский и др.).

По степени освоения заимствованной лексики языком-реципиентом традиционно выделяют две основные группы слов – ассимилированные и неассимилированные. Ещё Р. Ф. Брандт в «Актовой речи» (1882), а вслед за ним и Е. Ф. Карский в работе «К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке» (1910) [13, с. 46] выделили два разряда иностранных слов: 1) слова, уже усвоенные языком, и 2) слова, вновь принимаемые.

И. И. Огиенко (1915) выделил три рода слов: 1) слова, заимствованные издавна и вполне усвоенные в русском языке так, что иностранное происхождение уже не чувствуется; они свободно употребляются и имеют производные (например, слова *буква, бутылка, вишня, кадка, лошадь, молоко, плита, пушка, сапог, стекло* и т. п.), в немецкой терминологии они называются *Lehnwörter* (заимствования); 2) слова иностранные, но употребляемые в русском языке довольно часто, вследствие чего они приобрели «права гражданства» и проникли даже в разговорный язык (*доктор, аптека, солдат, школа, студент, гимназия* и т. д.); 3) слова иностранные, в русском языке употребляемые не часто – это так называемые варваризмы; такие слова легко заменяются соответствующими русскими и используются только среди интеллигентов, народному языку они не известны (*констатировать, культивировать, индустрия, гастрический* и т. п.); эти слова, как и слова предыдущего рода, называются *Fremdwörter* (иностранные слова) [17, с. 10–11]. В связи с этим вызывает определённый интерес высказывание Д. С. Лотте о классификации И. И. Огиенко, который подчёркивает, что, подразделяя таким образом заимствования, автор учитывает при этом также и «степень распространения» заимствований, включая во внимание «морфологическую» и «фонетическую форму». По словам Лотте, «для человека, не знающего иностранных языков или даже знающего, но специально не задумывающегося над происхождением того или иного слова, они будут казаться «своими» или «чужими» не вследствие давности или новизны их заимствования» [15, с. 10].

Д. С. Лотте (1982) установил следующие критерии «для отнесения какого-либо слова к числу «чужих» и «своих» (усвоенных)»: 1) насколько сочетания звуков данного слова соответствуют общепринятым звукосочетаниям заимствующего языка; 2) насколько морфологическая форма и отдельные формальные принадлежности слова соответствуют общепринятым в принимающем языке, гармонируют со всем строем языка; 3) имеются ли производные от рассматриваемого слова, или оно ещё не образовало свои гнезда [15, с. 10]. Он предлагает следующую классификацию видов заимствований: 1) оригинальные заимствования (среди них оригинальные и преобразуемые); 2) трансформируемые оригинальные; 3) образуемые из заимствуемых или заимствованных элементов (представляющие из себя кальки). Критерий «степени усвоения» является основным критерием в оценке заимствований [15, с. 15].

В современном языкознании проблема идентификации заимствованных слов получила иное направление её решения. Так, С. В. Гринёв полагает, что вопрос об определении признаков заимствований, поставленный лингвистами конца XIX – начала XX вв. (Р. Ф. Брандт, Е. Ф. Карский, И. И. Огиенко и др.), утратил свою остроту и трансформировался в вопрос об «освоении» заимствований (т. е. о процессе утраты ими этих признаков) и об использовании этих признаков для выделения слов иностранного происхождения в определённых стилистических целях [9, с. 109–110]. Подобное утверждение, в первую очередь, следует рассматривать с той позиции, что носителями языка не осознаются указанные признаки как таковые. Однако в семантике, по нашему мнению, «специфичность контекста» является довольно веским признаком заимствования. Своеобразие лексики иностранного происхождения состоит в том, что она функционирует в системе русского языка, сама являясь особой, отличной от русского языка подсистемой. В речевом использовании в ней силён «следовый» компонент или компонент прикреплённости, который делает её менее свободной в сочетаниях и контексте [18, с. 13].

Одним из основных разрядов иноязычных слов, выделяемых по степени ассимиляции, являются собственно заимствования, т. е. ассимилированные слова, по поводу квалификации которых у учёных нет разногласий.

Единственной проблемой в этом смысле является проведение грани между заимствованиями и интернационализмами. Так, Р. А. Будагов выводит интернационализмы за пределы заимствований [7]; С. Ю. Сорокин и М. М. Маковский считают, что они являются смещением двух планов: истории заимствующего языка и истории мигрирующей лексики [20, с. 44; 135].

Интернационализация – это явление, которое присуще всем языкам мира, и количество интернационализмов в языках постоянно увеличивается. Особая черта интернационализмов сформулирована А. А. Белецким: интернационализмы – «лексические единицы, которые функционируют не меньше, чем в трёх языках, к тому же из неблизкородственных языковых семей» [4, с. 3–5]. Т. Г. Пономаренко расширяет эту дефиницию, дополняя ее другими характерными особенностями интернационализмов: это слова, которые «употребляются во многих неблизкородственных языках и в то же время

сохраняют общность семантики и фонетико-морфологического построения, предпочтительно в сфере понятий в области культуры, науки, политики, искусства; как правило, не имеют аналогов в языке распространения» [18, с. 72].

Процессы интернационализации в славянских литературных языках изучали В. В. Акуленко, А. А. Белецкий, Л. П. Крысин, О. К. Безпояско, А. В. Чарнецкая и др. Так, О. К. Безпояско даёт характеристику продуктивным словообразовательным типам, выделяет словообразовательные модели заимствованных слов, рассматривает вопрос синонимии интернациональных аффиксов. Исследователи считают, что «касаемо системы всего языка интернационализмы – единое целое, в середине которого идёт непрерывный процесс развития, который проявляется в увеличении количества словообразовательных морфем, в изменении характера объединяющихся основ, в расширении сферы употребления, в появлении новых моделей» [5, с. 11].

Интернационализмы представлены, в первую очередь, в терминологической лексике. К терминам-интернационализмам относятся: а) общественно-политическая лексика: *конгресс, конституция, министр, митинг, партия, политика, революция, республика, резолюция, сенат* и т. д.; б) научная терминология: *биология, география, геодезия, геология, зоология, история, лингвистика, математика, физика* и др.; в) технические наименования: *агрегат, антенна, аппарат, комбайн, моноплан, танк, трактор*; г) искусствоведческая лексика: *ария, балет, драма, жанр, новелла, опера, поэзия, тенор* и др. Ф. О. Никитина считает, что можно говорить о «существовании международного терминологического ареала», в котором «преобладают и общие процессы, и даже определённые словообразовательные тенденции (общие элементы из классических языков, похожие словообразовательные модели)» [16, с. 115]. Такие лингвистические явления, считает исследователь, обусловлены влиянием экстралингвистической сферы.

Большинство интернационализмов в русском языке греческого или латинского происхождения. В XVII – XIX вв. ряд интернациональных слов вошёл в русский язык из западноевропейских языков (французского, немецкого, английского). Значительную часть интернационализмов составляют слова, появление которых вызвано изменениями в общественно-политической жизни, культуре, образовании, быте. Среди интернационализмов немецкого происхождения можно отметить следующие: *абрис, вексель, гильза, ландшафт, лейтмотив, маклер, офицер, рейс, штат* и другие [12, с. 73].

Классификация неассимилированных (частично ассимилированных) слов, напротив, является неоднозначной, что вызвано спецификой направления исследования иноязычной лексики. Немецкий лингвист Э. Хауген (1972) предлагает делить «импортированные лексемы» (на материале английского и норвежского языков) на три типа: 1) собственно заимствованные слова; 2) заимствования-гибриды; 3) кальки. Согласно типологии Э. Хаугена, слова иностранного происхождения делятся на: 1) слова без морфемной замены (loan-words); 2) слова с частичной морфемной заменой, или гибриды, полузаимствования (loan-blends); 3) слова с полной морфемной субституцией (semantic loans) [21, с. 352]. Собственно заимствования полностью воспроизводят иноязычную модель, а кальки – лишь значения [21, с. 344–382]. Классификация иноязычной лексики Э. Хаугена основана на структурной дифференциации заимствованных слов и исходит не из того, что переносится, а из того, что не переносится, а заменяется.

В русском языкознании деление заимствований «по уровню морфемных замен» принято такими исследователями, как А. С. Зорько [11], Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина [6]. Так, С. А. Зорько выделяет заимствования с фонемной заменой и заимствования с морфолого-фонетической адаптацией [11]. В целом подобный подход приводит к классификации заимствований по степени их ассимиляции в языке-реципиенте.

Согласно другой классификации (В. Н. Топоров, Г. Ф. Одинцов, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова и др.) среди неассимилированных слов выделяются варваризмы и экзотизмы. Термин «варваризм» определяется как слово или оборот чужого языка, построенные по образцу другого языка, противоречащие нормам данного языка, нарушающие чистоту речи [19, с. 139]; иностранное слово или выражение, не полностью освоенное языком и воспринимаемое как чужеродное [11, с. 117]. Основным критерием выделения варваризмов является их написание с помощью букв алфавита языка-источника [8]. Однако существует мнение, что передача варваризмов в тексте русскими буквами не меняет их характера [10]. Более объективным признаком этих единиц является то, что варваризмы обозначают не только иностранные реалии, – они имеют соответствия в русском языке и могут переводиться на русский язык [3].

«Экзотизмами» считаются заимствованные слова с очевидной принадлежностью к какой-либо национальности, стране, употребляемые для описания национальных особенностей. К ним относятся наименования учреждений и организаций (*бундестаг, ландтаг*), денежных единиц (*дойчмарка, евро, талер, крона*), названия кушаний, напитков, должностей, званий и т. д. Это такие слова, которые хотя и употребляются в русском языке, но в значении своем имеют нечто не русское, напоминающее об их иноязычном происхождении (например, *сейм, меджлис, пиала, лаваши, хурал, сантим, кюре, аул, кишлак, фрау, джок, зурна, гонак*). Экзотизмы обычно используются авторами, когда речь идет не о русской действительности, а о жизни какого-нибудь другого народа. Экзотизмы бывают заменимые и незаменимые. К заменимым относятся такие слова, которые можно перевести на русский без особого ущерба для смысла: *мистер – господин, фрау – госпожа, консьерж – привратник* и т. д. Употребление таких экзотизмов вызывается только потребностью передачи местного колорита. Экзотизмы «незаменимые», т. е. неперебиваемые, соответственно нельзя заменить русским эквивалентом, к примеру, нельзя слово *франк* перевести как *рубль*, *лаваши* заменить словом *хлеб* или *лепёшка*. К неперебиваемым экзотизмам относятся слова: *сари, лавониха, чонгури, тамтам, чалма, иена, доллар*.

Интерес учёных к дифференциации понятий «варваризм» и «экзотизм» имеет место там и тогда, когда варваризмы рассматриваются как этап в освоении иноязычного слова. Так, Н. С. Арапова даёт понятие «графический варваризм», утверждая, что экзотизмы имеют тенденцию перехода в общеизвестные слова, то есть осваиваются, что не все иноязычные по происхождению лексемы прошли «стадию варваризма». Экзотизм может «фиксироваться в тексте как варваризм», подобно любому заимствованию, и в зависимости от времени освоения может длительно существовать в русском языке как варваризм [1, с. 10].

При классифицировании заимствованной лексики должны учитываться как формальные признаки (ассимиляция слов в заимствующем языке), так и функциональные (употребление слов в заимствующем языке). Ю. С. Сорокин выделяет свои показатели – это требование «устойчивости, единообразия и нормализации формы» [20, с. 62–63]. Л. П. Крысин видит признаки полной ассимиляции слова в графической и фонетической передаче иноязычных слов соответствующими средствами заимствующего языка и соотношения его с определёнными грамматическими классами и категориями [14, с. 35]. Хотя, необходимо отметить, по мнению Л. П. Крысиной, В. М. Аристовой, классификация пластов заимствованной лексики по степени её ассимиляции недостаточно правомерна, так как она будет анахронична по отношению к постоянно развивающейся лексической системе языка [2, с. 8].

Література:

1. Арапова Н. С. Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова / Н. С. Арапова. – Вестник МГУ. – Сер. 9, Филология. – 1989. – № 4. – С. 9–16.
2. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.
3. Бажина И. Н. О взаимовлиянии языков / И. Н. Бажина // Русская речь. – 1972. – № 6. – С. 92–98.
4. Белецкий А. А. Лексическая ассимиляция как один из законов развития языка / А. А. Белецкий // Тезисы докл. на научн. конф. КГУ. – К.: 1976. – С. 3–5.
5. Безпояско О. К. Граматика української мови / К. Г. Городенська, В. М. Русанівський // Морфологія. – К.: Либідь, 1993. – 336 с.
6. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина // Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
7. Будагов Р. А. Очерки по языкознанию / Р. А. Будагов. – М., 1953. – 280 с.
8. Володина М. Н. Теория терминологической номинации / М. Н. Володина. – М., 1997. – С. 148–174.
9. Гринёв С. В. Терминологические заимствования / С. В. Гринёв, Д. С. Лотте // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов [Предисл. Т. Л. Канделаки, С. В. Гринёва]. – М.: Наука, 1982. – 149 с. – С. 108–135.
10. Загорская О. В. Семантическое освоение лексических заимствований / О. В. Загорская // Семантика слов и семантические конструкции. – Воронеж: 1987. – С. 99–107.
11. Зорько А. С. Сравнительное исследование заимствований в родственных языках (франко-итальянские контакты): Дис. канд. филол. наук / А. С. Зорько. – М., 1972. – 248 с.
12. Йелитте Г. К. вопросу о развитии интернациональной терминологии в русском и немецком языках. / Г. К. Йелитте, Н. Шиндлер // Deutsch-russische Sprach-, Literatur- und Kulturbeziehungen im 20. Jahrhundert. – Омск: 1994. – С. 70–209.
13. Карский Е. Ф. Белорусы. Очерки словесности белорусского племени / Е. Ф. Карский // Старая западно-русская письменность. – Петербург: 1921. – Т. III. – 246 с.
14. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000. – 480 с.
15. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте – М., 1982. – 108 с.
16. Никитина Т. Г. Так говорит молодежь / Т. Г. Никитина // Рус. речь. – М., 1999. – № 4. – С. 115–117.
17. Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке / И. И. Огиенко // История проникновения заимствованных слов в русский язык. – К., 1915. – 136 с.
18. Пономаренко Т. Г. Лексико-семантическая группа и ее обусловленность / Т. Г. Пономаренко // Языковые значения. – Л., 1976. – 182 с.
19. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
20. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е – 90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – М., 1965. – 665 с.
21. Хауген Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 344–382.

УДК 303.62 (051): 070.48=111

О. Ю. Кузьменко,*Житомирський державний університет імені Івана Франка, м. Житомир***ІНТЕРВ'Ю В ДИСКУРСІ ГЛЯНЦЕВИХ ЖУРНАЛІВ: СУЧАСНИЙ СТАН**

Статтю присвячено аналізу лінгвальних характеристик інтерв'ю глянцевого журналу масмедійного дискурсу, окреслено дистинктивні ознаки інтерв'ю, як особливого жанру дискурсу глянцевого журналу, в прагматичному, структурному, змістовому, когнітивному, мовно-стилістичному аспектах.

Ключові слова: гляцевий журнал, жанр інтерв'ю, вербальні/ невербальні засоби, адресованість, іконічний знак, креолізований текст.

INTERVIEW IN THE DISCOURSE OF GLOSSY MAGAZINES: MODERN STATE

Статья посвящена анализу лингвальных характеристик интервью глянцевого журнала массмедийного дискурса, рассмотрены дистинктивные признаки интервью, как особого жанра дискурса глянцевого журнала, в прагматическом, структурном, содержательном, когнитивном, языковом и стилистическом аспектах.

Ключевые слова: гляцевый журнал, жанр интервью, вербальные/ невербальные средства, адресованность, иконический знак, креолизованный текст.

INTERVIEW IN THE DISCOURSE OF GLOSSY MAGAZINES: MODERN STATE

The article deals with the analysis of lingual characteristics of the interview in glossy magazines of mass-media discourse. The distinctive features of the interview, as a peculiar genre of the discourse of glossy magazines, are examined in pragmatic, cognitive, lingual, stylistic, structural aspects and from the point of view of the content. It is proved that modern interview is characterized by the display of the author's modality, combination of standard and expressive elements, conversational and official styles, evaluativity. Its texts are treated as being partially creolized because the meaning of verbal elements in them is intensified through the use of non-verbal components and iconic signs. The results of the research show that genre interview in glossy magazines has a flexible and dynamic character that is proved by a number of changes in it.

Key words: glossy magazine, genre interview, dialogical structure, verbal/ non-verbal means, iconic signs, creolized text.

Постановка проблеми. Аналіз мовознавчої літератури останніх років переконливо свідчить про зростання інтересу дослідників до різних аспектів масової комунікації. Вивчення дискурсу масмедій є особливо актуальним з огляду на його орієнтацію на кінцевого адресата, що реалізується через таку організацію медіатекстів різних жанрів, яка покликана досягти максимального зближення з ним. Л. М. Синельникова вказує, що усуненню дистанції сприяє злиття мовних образів адресата (очікувань, прагнень, психологічних особливостей) і адресанта (установок, мотивів, намірів) в єдину адресантно-адресатну мовну особистість [5, с. 141–142]. Такий симбіоз адресата з адресантом, що створює ефект спілкування однією мовою, належності до однієї дискурсивної спільноти, простежується на сторінках особливого різновиду масмедійного дискурсу – дискурсу глянцевого журналу.

Глянцевий журнал став невід'ємною частиною життя сучасного суспільства. Свою назву він отримав за високу поліграфічну якість, що відображено уже у його дефініції: гляцевий журнал – «журнал, що друкується на блискучому, ви-